

Гуля. Людмила Евгеньевна Улицкая [ulitskaya1udmila.ru](http://ulitskaya1udmila.ru)  
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке  
<http://ulitskaya1udmila.ru/> приятного чтения!

Гуля. Людмила Евгеньевна Улицкая

Именины у Гули приходились на Рождественский сочельник. Исповедуя с детства неосознанно, а с годами все более сознательно и истово всемирную и тайную религию праздника, Гуля ни разу в жизни не пропустила без празднования дня своего Ангела. И в годы ссылки, и в лагерные годы она устраивала из ничтожных подручных средств, добывала из воздуха эти хрусткие крахмальные зернышки праздника, склеивала их сама и раздавала тем, кто оказывался возле нее в эти минуты.

Она отмечала день Ангела, день своего рождения, а также дни рождения своей покойной матери и сестры, день свадьбы с первым мужем, а также Пасху, Троицу, все двенадцатые праздники и большую часть казенных. Новый год она отмечала дважды, по старому и по новому стилю, также и Рождество: сначала католическое, оправдывая это польской кровью бабушки, а потом и православное. Она не пропускала Первое мая, Восьмое марта, чтила и Седьмое ноября. По возможности она придерживалась определенных ритуалов. Так, день своего рождения, приходящийся на начало лета, на третье июня, она любила праздновать с утра. Если позволяли обстоятельства, она вместе с какой-нибудь приятельницей уезжала на сельскохозяйственную выставку или в Ботанический сад, гуляла часа два, рассказывая приятельнице ослепительно скандальные истории своей ранней юности, а потом они добирались до "Праги", где съедали по возможности празднично комплексный обед за восемь рублей старыми, а впоследствии за рупь тридцать новыми.

Потом они шли к Гуле отдыхать, а отдохнув, пили кофе с заготовленным заранее ликером, мороженым и конфетами "Грильяж", пока они были еще доступны их зубам и не исчезли окончательно из продажи.

Когда количество выпитого ликера значительно превышало объем кофе, Гуля брала со стены гитару и, точно соблюдая интонации и произношение, воспроизводила Вертинского, многозначительно перемалчивая некие жгучие воспоминания.

В целом это называлось "покутилки", и любимой соучастницей этих вегетарианских оргий была Веруша, Вера Александровна.

Ее роль в течение жизни много раз менялась - она была восторженной поклонницей, наперсницей, соперницей и даже покровительницей в разные периоды их слоистой, как геологический разрез, жизни. Вера Александровна, полуродственница, полутень, папиросная бумага памяти и самое убедительное из имеющихся у Гули доказательств реальности ее собственной жизни...

Задолго до Святой Евгении, приходящейся на канун Рождества, Вера Александровна начинала беспокоиться, что не сможет сделать в этом году хорошего подарка Гуле и та будет расстроена.

На этот раз она разыскала среди доставшихся ей от покойной родственницы бумаг старую фотографию, долженствующую подтвердить их мифическое с Гулей родство, которое держалось на двоюродной сестре Гулиной матери, якобы бывшей вторым браком за дедом Веры Александровны. На упомянутой фотографии была изображена благородная пара, и Вере Александровне хотелось думать, что она обнаружила это самое хрупкое доказательство родства. К фотографии, составляющей духовную часть именного подарка, Вера Александровна присоединила флакон югославского шампуня и плохонькую коробочку конфет. Эти конфеты особенно ее беспокоили, она даже спросила у Шурика, что он думает по поводу этой маловыразительной коробочки. Шурик посмотрел на коробочку с преувеличенным интересом и сказал:

- Чудно, мамочка, чудно! Просто композиция какая-то получилась. Очень изящный подарок.

И слегка успокоенная Вера Александровна пошла на кухню греть щипцы. Пока она завивала желтовато-белые легкие волосы, Сан Саныч густо мазал гуталином свои туристические ботинки, любимую обувь, сочетававшую большую крепость с малой ценой, и оба они, мать и сын, вступали в увертюру Гулиного праздника, состоящую из запаха перегретых щипцов, подпаленных волос, гуталина и невинного шипра.

...На овальном, покрытом заляпанной чайной скатертью столике стояло продолговатое блюдо с сочивом и бутылка кагора. Маленькая елочка стояла в большой, надбитой сверху и по этой причине не проданной вазе. Газеты с Джульеткиным дерьмом, обычно разложенные равномерно по всей комнате, в честь праздника сгребались в угол, а иногда и вовсе выносились на помойку.

Последние часы сочельника гости проводили за постным столом, а когда время подходило к восьми и кончалась Всенощная у Ильи, Гуля вступала в первый день после Рождества Христова, что знаменовалось подачей мясных закусок, иногда и горячих. Кончался двухчасовой пост, начинался мясоед.

Как славно они расположились у стола. Сан Саныч любовался ими, воздушными старушками, избранницами, последние двадцать пять лет поддерживающими тонус, выплачивая штрафы за каждое упоминание о болезнях, физических отправлениях и, не дай Бог, о смерти. Литература, искусство, воспоминания молодости, светские сплетни – вот был круг их всегдашних разговоров.

Теперь они толковали о шляпках: о неумении молодых женщин носить шляпку, этот признак пола, свидетельство таланта или бездарности, знак социальной принадлежности и показатель интеллектуального уровня. Конкретно – о шляпках Зинаиды Гиппиус. Потом Гуля как-то легко соскользнула к преимуществам "шведского" брака перед "менаж а трау"... потом по какой-то извилистой тропке к Дягилеву, к балету вообще, к Майе Плисецкой..

Говорили... говорили... Рождественская звезда давно уже потерялась в россыпи бесчисленных нерождественских, а по длинной комнате, от трехстворчатого высокого окна к прорубленной в коридор двери, нарушавшей аристократическую анфиладность этой бывшей хорошей квартиры, тек сквозняк, остужая старушечьи спинки с вытертыми лопаточками.

Слякотная, ненастоящая зима, словно устыдившись, встречала Рождество заказным календарным морозом. Вялый ветерок от окна делался все более жестким. Гуля положила на широкий мраморный подоконник старую шубу, но настроенное на ноль отопление не управлялось со стремительным похолоданием.

Накинув на плечи платки, шарфы и Гулины халаты, заговорили о холодах семьдесят третьего или пятого – тут они слегка путались, – сорок первого, двадцать четвертого и, прости Господи, тринадцатого.

Скушали все, что могла предложить Гуле кулинария "Праги": и фаршированную утку, и мясо по-влажски, и волованы с какой-то ерундой внутри. И выпили бы все, да Гуля по старой привычке "скроила" маленький графинчик коньяка и полбутылки принесенного в подарок португальского портвейна, который показался Гуле немногим лучше "Таврического"...

Когда разговор пошел о погоде, Джульетка сошла с диванчика и, показывая всем видом презрение к такому обывательскому направлению разговора, легла на бархатную подушку.

Не было у них никакого внешнего сходства, у Джульетки и Гули. Джульетка была нечистопородной гладкошерстной таксой, а Гуля – породистая тонконогая и совершенно борзая старуха с ноздрями как фигурные скобки и высоко поднятыми, тонкими, кругло нарисованными бровями. Их сходство лежало глубже и не было заметно невнимательному. Выжалось оно в аристократическом пренебрежении к мелочам, в скверной поверхности и необыкновенно прочной изнанке характера.

Гуля одновременно с Джульеткой почувствовала легкое раздражение и совсем уж было предложила партию "шмине", но неожиданно Сан Саныч, дотоле скромно любовавшийся этими облезлыми, ароматными, ветхими, геркулесовыми дамами, девицами, старыми менадами, ангелицами и ведьмами, Сан Саныч, скромно молчавший весь вечер, тихо произнес:

– Гуля, у тебя ужасно дует. Надо заклеить окно. Завтра я приду после работы, часов в половине восьмого, и сделаю. Не убегай, пожалуйста.

– Ты прелесть моя! – взвизгнула Гуля. – Шурик, ты душка! Как мило, Верочка, с твоей стороны, что ты соблазнулась деторождением!

И, легко вскочив с кресла, она подпорхнула к Сан Санычу и, упершись в плечо упакованным в грацию прославленно-пышным бюстом, поцеловала его в лысеющий затылок. Заговорили о детях.

Спала Гуля плохо. Болел живот, к утру пришлось дважды встать в уборную. Гуля грешила на портвейн. Джульетка из солидарности тоже нагадила, и прямо на полу, так как Гуля, ложась спать, забыла постелить ей очередную порцию "Литературки". Впрочем, это обстоятельство скорее даже умилило Гулю – обе они обыкновенно страдали запорами, портвейна Джульетка не пила, так что ее расстройство можно было объяснить исключительно их глубокой духовной связью.

Гуля замерзла, долго не могла согреться под двумя одеялами и шубой, живот не переставал болеть, и заснула она лишь после того, как согрела в чайнике воды и набрала в грелку.

Проснувшись после полудня, она еще часок лежала в постели – никогда не любила сразу вставать, – испытывая приятное чувство пустоты и легкости в животе и радуясь жесткому зимнему солнцу. В комнате стоял лютей холод, на подоконнике лежал нежный валик изморози. Гуля с живым чувством рассматривала свою комнату – в таком ярком свете давно ее не видела. Комната была высокой, непропорциональной – это была треть трехколонной залы, лепнина делала здесь плавный поворот, и Гуля, въехавшая в эту комнату вскоре после возвращения из ссылки, наскоро выйдя замуж за импозантного хозяина этой самой комнаты, долго искала место для кровати, поскольку, имея свои собственные отношения с пространством, никак не могла привести в соответствие этот обрывок лепнины на потолке и свое собственное лежащее в кровати тело... А месяца через три после этого экстравагантного брака хозяин комнаты скорострительно скончался, оставив Гуле свое пыльное, ветхое, но вполне антикварное наследство.

Комната была ярко-синяя. Гуля чуть было не сделала ее красной, но Веруша сказала, что ноги ее в доме не будет, и Гуля приказала малярам красить синим. Оказалось прекрасно: Гуля жила как бы на фоне театральной декорации, столярный неправдоподобно, небытово синели стены, и все вещи обшарпанная карельская береза, бронзовая угасшая рама потемневшего зеркала – подтягивались стройно на этом неприродно-синем.

Немытая посуда на столе стояла словно выстроенная для натюрморта, и Гуля, оперев подушку в изголовье ладьи, улыбалась. На этой ладье она, не знающая бессонницы и кошмаров, ежевечерне отправлялась в небесное плавание, не забывая шепнуть: "Слава тебе, Боже, еще один денек мы с тобой прокувыркались. И пожалуйста – никаких снов. Если можно..."

Но на этот раз, под утро, был какой-то сон, но он всплыл как-то не сразу и омрачил Гулино праздничное настроение. Сон был бессюжетен. Ощущение чужой власти, замкнутого пространства. И грубой, грубейшей фактуры. Прочь, прочь, не хочу вспоминать! Сукно на столе... Капитан Утенков, с гнуснейшей бранью, нежно направленной в ухо... И пошел... и пошел... Смерд... Хам... Спас. Прочь пошел! Не хочу!

Но сон уже вырвался на поверхность и вспоминался против воли. Стоит в кабинете, на ковровой, очень чистой дорожке, в больших омерзительных ботах она, Гуля, и капитан Утенков смакует ее девичью княжескую фамилию, и в ней вдруг поднимается тяжелое желание, бьет, как большая рыба хвостом. А Утенков делается не Утенковым, а кем-то любимым, родственно близким... уточняется и перестает вовсе быть Утенковым... и все это длится, и не завершается, и не разрешается... Глупость! Фу, глупость какая! Ну ведь прошу же, пожалуйста, не надо мне снов...

Ах, да! Шурик придет заклеивать окно. Как он мил. Да, окно. Надо встать и прибраться. Ванну бы горячую принять. Чистить неохота. Соседи свиньи. Грязь необыкновенная в ванной. Ногами встать противно, не то что ванну принять...

И потекло ее утро. В три она выпила кофе. Ответила по телефону. Звонили вчерашние гости и к соседям. Почитала французский детектив. Скучно. Погрела сосиску. Джульетка есть не стала. Опять позвонили – Беатриса, осевшая в России еврейка из Америки, приятельница по ссылке, позвала в гости. "И поеду! – решила Гуля. – Черт с ним, с окном! Зима ведь, ясно, что холодно. И должно быть холодно. А Шурик придет, нет ли – еще неизвестно".

- Приду, Бетька, приду! - пообещала Гуля. Только повесила трубку, позвонил Шурик, спросил, есть ли в доме вата.

- Может, отложим? - хотела пойти на попятную Гуля.

- Ни в коем случае. Ты простудишься. Такой холод. И сквозняк у тебя!

И Гуля перезвонила Беатрисе, объявив, что придет, но несколько позже.

Сан Саныч пришел в восемь. Гуля, чувствуя, что у нее рушится визит и праздник, вильнув хвостом, выскользывает из рук, начинала злиться на Шурика, что опоздал, на себя, что согласилась на оклейку окон, без которой всегда прекрасно обходилась, и даже на Беатрису, милейшую, с грубым мужским голосом, нежную, до идиотизма наивную Беатрису.

- Страшная стужа, градусов тридцать, не меньше, - мерзлым голосом проговорил Сан Саныч, снимая пальто в комнате у Гули. На вешалке в передней никто не раздевался. Считалось, что если пальто не украдут, то наверняка мелочь из кармана вытрясут. - Стужа, говорю, ужасная, - продолжает Сан Саныч, вынимая из трепаного портфеля мотки бумажных лент, - поставь, пожалуйста, чаю. И кастрюлю с водой, клейстер надо сварить.

Гуля обреченно пошла на кухню, поняв, что в гости сегодня не выбраться.

Наскоро выпив чаю, Шурик залез на подоконник и открыл внутреннюю раму. Медные шпингалеты с длинными, во всю раму задвижками прекрасно работали, даром что было им лет сто, а вот сами рамы сгнили. Пласт холодного воздуха, хранившийся между ними, мгновенно разбух и занял всю комнату.

Сан Саныч ножом пропихивал в щели тонкие жгутики ваты. Гуля сидела в кресле с Джульеткой на руках и любезным голосом спрашивала, чем она может быть полезна.

Сан Саныч любил Гулю. Он знал ее с детства, но как-то кусками. Ее трижды сажали: дважды, как она считала, за мужей, а один раз - так она сама объясняла - за излишки образования. Этот последний раз случился уже после войны, в небольшом отрезке ее незамужней жизни. Обычно мужа у нее скорее находили один на другого, но тут как раз был такой период безмужья, и она пошла на службу.

Кроме гимназии Гуля никаких учебных заведений не кончала, но языки знала хорошо, а по понятиям нового времени даже великолепно. Мать Гулина была полунемка, выросшая во Франции, так что оба эти языка дома были в ходу. К тому же жила у них англичанка, мисс Фрост, которая, вопреки общему понятию об англичанах, была невероятно болтлива. Она наполняла своим неумолчным птичьим говором весь дом, и не выучить в ее присутствии язык мог разве что глухой. Легко усваивающая языки четырнадцатилетняя Гуля, влюбившись в последнее предвоенное лето в итальянского певца, преподавателя, жившего тогда в Москве, легко, в два месяца, выучила итальянский, восхитив сладкоголосого учителя легкостью речи и несверной пылкостью повадок.

Польский она выучила уже в ссылке, по стечению обстоятельств. Вера Александровна, навещая ее, оставила случайно Агату Кристи по-польски, и Гуля, еще не вкусившая сладости этого жанра, вцепилась в него и долгие годы ничего, кроме Агаточки, как она ее нежно называла, в руки не брала.

Гуля устроилась референтом-переводчиком в некую техническую контору, проработала немногим больше года и ввязалась в глупейший конфликт, который рос и креп до тех пор, пока начальник не написал на нее донос, обвинив ее крайне непоследовательно в аполитичности, космополитизме и шпионаже. Обвинение и по тем временам было столь нелепым, что через полтора года, еще до смерти Сталина, Гуля вышла.

В перерывах между своими дробными посадками Гуля ухитрялась жить как птичка, немедленно заново выходя замуж, праздновала свой неистовый праздник любви, хохотала, бегала по гостям, "стрекозила", как говорила про нее осторожная и насмерть перепуганная жизнью Веруша. Однако Гуля цветов своей легкомысленной одежды не меняла.

Шурик родился, когда Гуля, после первой своей лагерной пробы, жила у Веруши в

Гуля. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru  
Калуге, и он оказался первым и единственным ребенком, к которому Гуля была причастна от самого его младенчества. Она как-то сумела преодолеть свое отвращение к этому влажно-сопливому периоду существования, вызывавшему у нее брезгливость. Во всяком случае, для Шурика было сделано исключение

Даже съехав от Веруши к Павлу Аркадьевичу – теперь уже трудно установить, которому по очередности ее мужу, – она навещала Веру и Шурика все те годы, что прожила с ним, вплоть до его смерти, в неугасающем веселье души и тела и, вопреки своему внутреннему устройству, едва его и впрямь не полюбив.

В эти ранние годы Шуриковой жизни Гуля появлялась шелковая, праздничная, в облаке духов и жидкой пены тщедушных локонов, с нарисованными бровями и настоящими, драгоценно-зелеными глазами. Нежный мальчик обнимал скользкие колени и замирал с расширенным сердцем. А Гуля шевелила его обреченные на недолгую жизнь тонкие волосы пальцами с красными, немного внутрь загнутыми ногтями.

Потом Гуля исчезла, и Шурик по ней тосковал. Однако, когда она вернулась окончательно, на большие праздники сердце Шурика уже не было способно и Гуля уже была не такая шелковая. К тому же это был год его шестнадцатилетия, а в тот год шелк, мед, мех, лед и прочие совершенства мира заключались для него совсем в ином сосуде.

Гуля же в спешном порядке вышла замуж за старого красивого человека, носившего известную фамилию. Правда, к сожалению, он был не тем самым, а всего лишь однофамильцем, но кто бы посмел задать этот вопрос?

Гуля жила изо всех сил, не пропуская вернисажей, выставок, премьер, бенефисов, гастролеров. Как-то незаметно умер последний муж, и Гуля объявила подругам, что отныне она монахиня, но сильно в миру...

Сан Саныч, потерявший в эту пору значительную часть волос, сильно прибавивший в весе и приобретший неотталкивающее сходство с картофелиной, служил тогда совсем другому кумиру, но никогда не отлынивал от бесцеремонных – впрочем, сам он так никогда их не определял – требований Гули передвинуть мебель, отвезти ее на дачу или проводить на вокзал. Но все-таки Сан Саныч страдал, понимая, что Гуля стара, что он ничтожно мало ей помогает, и заклейка окон радовала его как возможность быть чем-то полезным милой Гуле.

Трехстворчатое окно было избыточной, барской высоты: с подоконника он доставал рукой едва выше половины рамы, а щели оказались бездонными, они проглотили три пачки ваты, целую кучу тряпья, порванного на полоски, и конца этой работе не было видно.

Гуля в упоении уже третий час рассказывала о своей нежной дружбе с неким Максом, но Сан Санычу и невдомек было, что речь шла о Волошине. Увидев, что Сан Саныч закончил с внутренними рамами, Гуля, подмигнув, вытасила графинчик коньяку и никудышную закуску.

– Вчера гости все подъели, а сегодня из дому не вылезала, – объяснила скудость стола Гуля. – Сейчас мы с тобой немножечко хряпнем, друг сердечный! – ворковала Гуля, смолodu любившая веселое винное ускорение крови, и вытаскивала большие, зеленого стекла бокалы. – Глупость, конечно, коньяк из таких бокалов, да еще и зеленых, но эта мелкота, они все грязные, – и махнула рукой в сторону помоечного, как его называла, столика возле двери, где стояла вчерашняя немытая посуда, – Знаешь, я подумала: к черту рабство! Если я не хочу ее мыть, то могу, в конце концов, и не мыть, не правда ли, друг мой?

– Гуленька, конечно, правда, – улыбаясь, умиляясь ей, ответил Сан Саныч, склонив голову набок. Он смотрел на нее восхищенно, и она чувствовала это и приходила в кураж. – Ты просто молодец. В нашем поколении таких людей, как ты, уже нет.

– Что ты имеешь в виду? – переспросила Гуля, любившая всякого рода комплименты и ожидавшая услышать приятное. – Налей-ка, голубчик. Вот так. И хватит.

– За твое здоровье! Гуля, ты поразительная женщина! Ты – прекраснейшая из женщин! Я тебе ничего нового не скажу, но ты – эвиг вайблих! Елена, Маргарита и Беатриче в одном лице! – восторженно, искренне и вдохновенно понес Сан Саныч,

Гуля. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru  
подымая мутный зеленый бокал.

Гуля захохотала, положив на лоб худую, съехавшую внутрь, как это бывает у пианистов, кисть.

- Я так давно не слышала этих благородных имен, что в первый миг изумилась, с чего это ты мою милую Беатриче, Беатрису Абрамовну, в такую возвышенную компанию записал! Ох, я забыла ей позвонить! - сквозь смех вспомнила она.

- Да ну тебя, Гуля! Не даешь собой восхищаться!

- Я? Да сколько угодно! Что может быть приятнее даме, чем восхищение... Разве что... - И она снова залилась смехом.

- Ах, Гуля, Гуля, ну как тебя не любить! Это же просто невозможно! простуженно трубил Сан Саныч.

Она сидела в широком кресле, ручка которого была подвязана старым поясом от халата. Голубые, свежавыкрашенные волосы дымились вокруг ее маленького черепа; как всегда круто была подрисована бровь, а под ней драгоценный, смеющийся, умный глаз. Сан Саныч налил по второй.

- Да, Гуля, дорогая, я хочу выпить за чудо женственности, за чудо твоей женственности! - торжественно провозгласил Сан Саныч и, склонившись, поцеловал ей руку.

Что-то хрустнуло в памяти. Близко-любимо-знакомое, что проступало в чертах капитана Утенкова, - это же Шурик был, Шурик!

А Сан Саныч, дурак, все витийствовал. Размякнув от коньяка, лепетал о шелковых коленях, которые он так любил в детстве, о нежных перчатках, прикосновение которых так волновало, и даже о подозрительной трубе, которую она когда-то ему подарила...

Пальцами, обряженными в большие некрасивые кольца, Гуля расстегнула три верхние пуговицы своей лиловой блузки, глубоко вздохнула и тихо, раздельно произнесла:

- Шурик, мне плохо...

- Боже мой! Гуленька, что с тобой?! Может, врача вызвать?! - осекся Сан Саныч, искренне встревоженный ее нездоровьем.

- Нет, нет, что ты, ни в коем случае! Это бывает. Сосудистое. Перемена погоды. Помогни мне перейти на кровать. Вот так. Спасибо, мальчик! - И, следуя хитрому вдохновению, Гуля повлекла ничего не подозревающего, невинного, восторженного, совершенно уже обреченного Сан Саныча к причаленной своей ладье.

- Подушку повыше, пожалуйста, и корсет расстегни, милый! - томным голосом приказала Гуля. Сан Саныч повиновался.

Две тонкокожие осенние дыни медленно выкатились на руки Сан Саныча.

- Может, тебе какое-нибудь лекарство? Я сейчас... - пролепетал Сан Саныч в некотором смятении.

- Ах, какое уж тут лекарство, - великолепно и снисходительно произнесла Гуля - и Сан Саныч наконец понял, что он приперт...

Ладья поплыла, и в этот же миг Сан Саныч почувствовал, что все его дурацкие комплиментарные, извилистые и дохлые слова, которые он лепетал полчаса назад, - святая, истинная правда

Джульетка протопала своими костяными коготками от бархатной подушки к креслу, вспрыгнула на него и уселась, не сводя черных глазок с тонких белых ног хозяйки.

Без четверти шесть щелкнул замок Гулиной комнаты - она провожала Сан Саныча к дверям. Они были одного роста - длинноногая Гуля и приземистый Сан Саныч в толстом зимнем пальто. Она задела вешалку, уронила половую щетку, стоявшую у

Гуля. Людмила Евгеньевна Улицкая [ulitskaya1udmila.ru](http://ulitskaya1udmila.ru)  
соседской двери, и, поцеловав его в лоб, сказала неожиданно громко и низко:

- Спасибо тебе, Шурик!

- За что? - тихо спросил Шурик.

- За все! - подвела трагическую черту сияющая Гуля.

...Три дня не убирала Гуля с овального стола двух зеленых бокалов. Заходили приятельницы. Она сажала их в кресло и, указывая на бокалы, томно говорила:

- Должна тебе сказать, что в нашем возрасте любовные игры - слишком утомительное занятие. - Она делала паузу и продолжала небрежно: - Любовник был. Молодой. Так устала, что нет сил вымыть пару рюмок.

И она приподнимала средним пальцем веко, которое в последние годы немного западало, и внимательно следила за выражением лица приятельницы чтобы не упустить и этой последней крупницы нежданно случившегося праздника.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://ulitskaya1udmila.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!